

Я ОТПУСТИЛА
ЧТОБЫ НАЙТИ СЕБЯ

Я ПОТЕРЯЛ ЕЕ,
ЧТОБЫ ПОНЯТЬ
ЧТО ЛЮБЛЮ

МЕЖДУ
НАМИ –
ПРАВДА

И НОВАЯ
ЖИЗНЬ

ПРО ЕВУ

АННА МАНЬЯНИ

18+

Анна Маньяни

Про Еву ч2

<https://litres.ru/74294714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга о том, что бывает после развязки, которую обычно оставляют за кадром.

Как двое людей, прошедших через полное разрушение, учатся строить друг с другом что-то новое — не слияние до потери себя, а два целых, самостоятельных человека, которые каждый день заново выбирают быть рядом.

Вторая часть истории Евы и Марка о том, что настоящая любовь начинается не тогда, когда всё легко, а тогда, когда, несмотря ни на что, оба решают остаться и попробовать снова.

Содержание

Глава 1. Марк.	4
Глава 2. Марк.	10
Глава 3. Ева.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Маньяни

Про Еву ч2

Глава 1. Марк.

Переступая порог нашей квартиры ночью, я понял, что она знает. В воздухе витало что-то такое, как перед грозой, — даже плотность стала другой.

Свет был выключен везде. Но я понял: она не спит, хоть и была глубокая ночь, — она в мастерской. Как-то всем нутром почувствовал, что она всё узнала.

Сегодня было тихо.

Первая мысль — что сказать, как себя вести. Я не мог представить её реакции. Я почти физически почувствовал, как внутри собирается привычная броня — та, с которой я захожу на сложные интервью, когда собеседник крутит и не хочет отвечать по существу. Спокойный тон. Логичные аргументы. Не давать эмоциям взять верх.

Но я не знал наверняка, что именно она знает. И не понял, откуда?

Я даже, кажется, на автомате начал прикидывать формулировки. Что-то в духе «ты всё не так поняла» — хотя чего тут можно не так понять, я и сам не знал. Просто это работало раньше. С источниками, с редакторами, с Евой — да

практически со всеми. Спокойствие обезоруживает. Паника собеседника — это всегда преимущество того, кто сохраняет холодную голову.

Я подошёл к двери мастерской и остановился перед ней. Свет не включил — то ли из уважения к темноте, в которой она пряталась, то ли потому что сам не был готов, чтобы она увидела моё лицо в эту секунду.

Я слышал, как она дышит по ту сторону двери. И, кажется, слышал собственное сердце — оно колотилось так громко, что казалось, она должна была слышать его тоже, даже через закрытую дверь, даже через все эти часы молчания между нами.

Постучал. Тихо, костяшками пальцев — не требовательно, а как-то по-дурацки виновато, будто спрашивал разрешения постучать, а не просто входа. Она не открыла.

— Ева, родная, ты тут? — спросил я голосом, который сам не узнал.

Я постоял пару минут и сел на пол в коридоре, у двери в мастерскую — потому что мне важно было быть ближе к ней в этот момент, и я не знал, как поступить. В звенящей тишине было ещё хуже, она стояла в моих ушах.

Там, на полу, я прокручивал в голове варианты, как это можно свести к минимальному ущербу. Сказать, что это была ошибка, разовая слабость, что-то, что уже закончено? А закончено ли?

Сейчас надо было выбрать окончательно.

— Я всё знаю, — услышал я за дверью.

В этот момент моё сердце застучало предательски быстро.

Не хочется врать самому себе — но жизнь поделилась на две части. Я хотел быть одновременно с двумя женщинами. Я чувствовал себя таким сильным. Я получал настоящее удовольствие от этой двойной жизни, дома Ева, в квартире Ольга. Абсолютно разные.

Я понимаю, что так нельзя, что это неправильно. Но я сам запутался в этих сетях, которые я так и не понял, кто на кого поставил.

С одной стороны, я так измучился, что физически хотел, чтобы Ева быстрее сама догадалась. Наверное, я хотел переложить ответственность за выбор на неё. Потому что сам сегодня не мог определиться. Мне было настолько сложно, что я и сам начинал сомневаться в реальности происходящего. Я был в какой-то эйфории — работа ладилась, проект шёл сам собой. Писал я феерично, редактор был в восторге. Статьи печатались одна за другой. Мне даже предложили написать книгу.

Но чем больше меня затягивало, тем больше я путался в собственной паутине.

С Ольгой всё равно нужно было что-то решать, рано или поздно — просто раньше я представлял себе это на своих условиях, а не так.

Дверь открылась. В своих мыслях я не услышал, как по-

вернулась ручка.

Я продолжал сидеть на полу и поднял голову. Было темно, но даже в темноте, в отсвете фонарей с улицы, я увидел её лицо.

В моём животе всё перевернулось.

Она протянула ко мне руку, и я почувствовал свой телефон.

— Возьми, — сказала она. — Пароль ты знаешь.

Её лицо было искажено болью, глаза опухшими.

Она прошла мимо меня в спальню. Я быстро поднялся и пошёл за ней.

— Ева, давай поговорим, не молчи, прошу тебя, — сказал я голосом, который был совсем на меня не похож.

Я как нищий выпрашивал милостыню.

Она бросила невзначай:

— А ты правда думаешь, что нам ещё есть о чём говорить? Марк, я видела каждое слово, написанное тобой. Боже, какая я идиотка, я просто дура. Искала тебе бесконечные оправдания — занят, не может, работа.

Её тон становился тише, как будто она устала даже от того, что говорит, но в спальне становилось будто невыносимо громко от того, что она говорила.

Она открыла шкаф и начала бросать всё, что попадалось под руки. Мне в лицо летели брюки, рубашки, галстуки, носки, трусы.

Я стоял и смотрел. Не мог пошевелиться.

Как замороженный, как истукан — я стоял как вкопанный.

Надо было срочно что-то предпринять. Я сорвался с места, опустился, обнял её за колени, целовал куда попадётся, и шептал:

— Прости меня, прости, любимая. Я не знаю, что на меня нашло. Я не хотел этого. Перестань, пожалуйста. Услышь меня...

Я шептал и шептал, умолял её, пытался как-то исправить, как-то направить всё в другое русло.

По-настоящему кольнуло — вина перед Евой, и что-то простое и низкое: страх, страх её потерять. Я вдруг иначе посмотрел на пять лет вместе. Я привык, что она есть. Привык к кофе по утрам, к тому, что дом пахнет её духами, к тому, что меня есть кому ждать. Потерять это стало страшно. Была бы дыра там, где раньше было налаженное, тёплое, моё.

Она пыталась отстраниться, а я обнимал её всё сильнее. Тогда она начала колотить меня руками. Летели пощёчины одна за другой.

Я не чувствовал боли. Она разбила мне губу.

Я не сопротивлялся. Я заслужил это.

Мы вошли в такое неуправляемое пике накала страстей, что обоих придавило непоправимостью происходящего. Я никогда не видел её такой. Я не знал её с этой стороны, и даже представить не мог, что она на такое способна.

Она оттолкнула меня, я опустил руки.

— Бери, что тебе нужно, и уходи!

Накал был такой, что я думал, взорвётся воздух вокруг нас.

— Тебе есть куда пойти.

— Видеть тебя не могу! — почти прошептала она.

Я закрыл лицо руками и услышал, как хлопнула дверь в мастерскую.

Я сел на нашу кровать и впервые не знал, что мне теперь делать. Всё заслуженно. Только сейчас на меня сошло лавиной, что я натворил, и с моих глаз невольно покатались слёзы, которые обожгли мне и без того горящие щёки.

Я не мог больше оставаться физически здесь. Я обулся и вышел из дома, который раньше был наш, чувствовал себя паршиво.

Спустился в паркинг и сел в машину.

Глава 2. Марк.

Сел в машину, но не сразу повернул ключ зажигания.

Просто сидел, вцепившись в руль, и смотрел на бетонную стену паркинга перед собой, будто она могла дать ответ на вопрос, который я даже не знал, как сформулировать.

Рубеж пройден.

Эта мысль пришла не сразу — сначала было просто оглушение, звон в ушах, который бывает после слишком громкого звука, даже когда сам звук уже стих. Но потом, где-то между вторым и третьим вдохом, я понял: обратной дороги больше нет. Не потому что она меня не простит — может, и простила бы, со временем, кто знает. А потому что что-то во мне самом необратимо сдвинулось.

Сейчас я остался наедине с собой в звенящей тишине.

Когда в момент сильного стресса ты остаёшься один на один с собой, и нет возможности уйти от честных вопросов: а кто я? Хотел ли я всего этого? Всё, что было, — это казалось или было на самом деле мне так необходимо?

И ты сталкиваешься лицом к лицу с самым большим лжецом — с собой. Ведь теперь все маски сняты, и даже себе отвечать придётся без них.

Обнажён и безоружен, все признания сделаны. Не осталось ни одной роли, которую можно было бы сыграть: ни заботливого мужа, ни циничного журналиста, ни уверенного

любовника, который знает, чего хочет. Только человек, сидящий в холодной машине посреди ночи, не понимающий толком, кто он теперь такой.

Рука снова потянулась к спрятанной пачке сигарет — я снова стал искать расслабление в сигаретах. Мне казалось, это даёт какую-то передышку, тайм-аут между тем, что происходит в голове в данный момент, и тем, о чём болит сердце сейчас. Хоть пытался не раз бросить эту привычку навсегда. Но сейчас мне это было необходимо.

Чиркнул огонёк зажигалки, первая затяжка. Клуб дыма. И понимание. Дома у меня больше нет.

Ехать было некуда, кроме той квартиры — единственного места, которое сегодня могло стать моим пристанищем. Горькая ирония: место, которое разрушило мой дом, теперь оставалось единственной крышей над головой.

Я завёл машину.

Выехал из паркинга, опустил все окна разом — теперь хотелось выгнать весь дым из салона и проветрить голову, хотя на улице было далеко не тепло, — просто чтобы почувствовать хоть что-то, кроме этого гулкого оцепенения внутри. Ночной город проносился мимо: пустые перекрёстки, мигающие жёлтым светофоры, горящие разными цветами вывески витрин, редкие прохожие, которые для меня сейчас казались персонажами из какой-то другой, простой и понятной жизни, где никто никого не предавал.

Слёзы катились по щекам сами собой — я даже не заме-

тил, в какой момент начал плакать. Не всхлипывал, не пытался их остановить. Просто ехал, а они текли, высыхая на ветру из открытого окна, оставляя на коже тонкую соляную плёнку, как после моря.

Я думал о том, как странно устроена жизнь: месяцами я тщательно выстраивал две параллельные реальности, продуывал каждую деталь, каждую ложь, каждый шаг, чтобы они никогда не пересеклись. А развалилось всё за один вечер, где я сам своими руками отдал ей телефон, — то, что так умело прятал, с такой лёгкостью было обнаружено. Столько усилий, столько изворотливости — и всё это оказалось таким хрупким, таким смехотворно недолговечным.

На светофоре я остановился, хотя, кажется, никого вокруг не было — просто рефлекс, ещё один осколок прежней, правильной жизни, который я по инерции продолжал соблюдать. Посмотрел на своё отражение в зеркале заднего вида: опухшие глаза, разбитая губа, лицо, которое я не узнавал.

«Кто ты теперь?» — спросил я это отражение, и оно, конечно, не ответило.

Мне пришло в голову, что за всю свою жизнь я ни разу по-настоящему не оставался один на один с собой — всегда была работа, был статус, было ощущение, что я контролирую происходящее. Даже с Ольгой, даже в самые безрассудные моменты, я всё равно оставался тем, кто просчитывает ходы. А сейчас — впервые, наверное, за долгие годы — я не просчитывал ничего. Просто ехал, и плакал, и не знал, что будет

через час, не то что через месяц.

Квартира встретила меня темнотой и застоявшимся запахом чужого дома и парфюма — не Евиного, не своего, а того, промежуточного, что скопился здесь за полгода тайных вечеров. Впервые этот запах не показался мне манящим. Только тошнотворным напоминанием о цене, которую я заплатил, даже толком не осознавая, что плачу.

Я сел на пол в прихожей — второй раз за эту ночь я оказывался на полу у чьей-то закрытой двери, только на этот раз дверь была моей собственной, и за ней никого не было. Пустота оказалась куда громче любого крика.

Впервые за долгое время мне не хотелось звонить Ольге. Не хотелось никому звонить вообще. Просто сидеть в темноте и чувствовать, как засыхают на щеках дорожки слёз, и думать о том, что где-то там, в квартире, которая ещё вчера была моим домом, осталась одна женщина, которую я, оказывается, любил всё это время гораздо больше, чем сам себе позволял признавать.

Глава 3. Ева.

Я сижу на полу мастерской, поджав колени к груди, и смотрю сквозь холст, который так и не закончила. Взгляд не цепляется ни за одну деталь. Мои мысли разбросанными нелепыми мазками кисти находятся далеко от этой комнаты. Я думаю обо всём и ни о чём.

И никак не могу сосредоточиться, о чём я думаю... поймать эту невидимую нить своих размышлений.

Темнота начинает сесть, свет становится более прозрачным. Но я не хочу её сейчас отпускать. Пришлось встать и задёрнуть шторы.

Живот скрутило судорогой. Оказывается, я хочу есть. В последний раз это было вчера днём, потом я просто забыла о еде.

Я заставила себя встать и размять занемевшие ноги — они были будто чужие после долгого сидения на полу, но голод сделал своё дело, и я медленно поползла к холодильнику.

На кухне свет казался сейчас почти насмешкой — будто утро не имело права наступать как ни в чём не бывало, будто солнце обязано было хоть немного посчитаться с тем, что произошло со мной ночью. Но оно не считалось. Светало по расписанию, равнодушно, так же, как светало вчера и позавчера, и это равнодушие природы меня сейчас ранило.

В темноте было проще. В темноте я могла оставаться ни-

кем — ни брошенной женой, ни обманутой дурой, ни художницей, у которой сорвался очередной срок сдачи работ. Просто тело, свернувшееся на полу, без имени и без истории.

Я слышала, как хлопнула дверь квартиры несколько часов назад. Он ушёл. Я сама сказала ему уйти — и в то же время часть меня, которую я ненавидела за это, хотела броситься следом, вцепиться в рукав, попросить остаться, сделать вид, что можно просто перемотать вечер назад, как плёнку, и начать заново с того момента, когда телефон ещё лежал на кухонном столе нетронутым.

Но я не побежала. Осталась сидеть.

Кружка со сладким чаем так и осталась недопитой где-то на подоконнике — я слышала, как фарфор глухо звякнул о дерево. Я вспомнила, когда уходила Катя, она обещала заехать утром. Мысль о том, что скоро снова придётся с кем-то разговаривать, объяснять, отвечать на вопросы «как ты», казалась почти невыносимой. Хотелось ещё побыть одной в этой темноте, в этом застывшем времени, где ничего не нужно было решать.

Я снова посмотрела на холст — другим взглядом, уже не сквозь, а поверх, — тот самый, который так и не закончила, на который так и не нашла достаточно сил. А потом долго искала тот оттенок охры, которого у меня не было.

Краску я купила — она так и осталась лежать нескрытой на полочке рядом с мольбертом.

Смотрела на холст и не видела его. Как будто часть ме-

ня, отвечавшая за зрение художника — за способность различать оттенки, формы, свет и тень, — временно отключилась, оставив только способность смотреть перед собой, не различая ничего.

Мама говорила мне в детстве: горе — это как будто тебе завязали глаза посреди знакомой комнаты. Ты вроде бы знаешь, где стоит каждый предмет, но не доверяешь больше собственной памяти, и от этого даже самая обжитая обстановка вдруг кажется полем с минами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.